

От одной мысли, что от этого можно перейти к эскалации, у Гермионы закружилась голова. Она сосала быстрее, жадно втягивая его глубоко, заставляя себя стать способной справиться с его большим членом, чего бы это ни стоило. Она должна была учиться, должна была подчиняться и подчиняться, сосать быстрее, жаднее, наслаждаясь тем, как она подчиняется его требованиям, обслуживает его член и позволяет всем остальным мыслям улетучиться. Это уже отвлекало Гарри, почему бы не отвлечься и ей? Отпустив себя и отбросив все мысли, Гермиона позволила своей сосредоточенности и преданности члену Гарри сказать все, что ей было нужно, и она позволила этому удовольствию увлечь ее за собой, все сильнее и жарче, по мере того как глубокое чувство чистого возбуждения проникало в ее тело, оставляя ее полностью сосредоточенной на нем и только на нем.

Ее голова покачивалась вверх-вниз. Как только она позволила темпу и сосредоточенности увлечь ее, Гермиона стала устойчивой, двигалась плавно и с расслабленным горлом, издавая все меньше звуков борьбы. Она чувствовала себя такой свободной и такой открытой, обслуживая Гарри все увереннее и увереннее, жар и желание порождали нечто мощное и почти неостановимое. Гарри начал поднимать бедра вверх, погружаясь в любовные объятия ее рта, и это только еще больше разжигало в ней неукротимые желания, так как он трахал ее рот, не переставая и подпитывая это удовольствие. Огонь был всепоглощающим, и безрассудный, слюнявый темп Гермионы казался глубокой, благоговейной одой отчаянию, пылавшему внутри нее жарче, чем когда-либо прежде.

"Ты так хорошо сосешь член", - простонал Гарри, толкаясь быстрее, прижимаясь к ней и стремясь к абсолютной гибели. "Ты великолепна, Гермиона. Идеальная, блядь, женщина. Складная, блестящая, и абсолютное наслаждение в постели. Дай мне еще, высоси все до дна, я собираюсь влить свой заряд в твоё горло, и ты отблаговаришь меня за это!" Удовольствия было слишком много для Гарри. Слишком много в разных направлениях и вызывали столько ощущений, что почему-то не было ни противоречий, ни разрывов; Гарри хотел только трахать рот Гермионы до полного подчинения, и он обнаружил, что все это легко поддается, уступая место захватывающим острым ощущениям экстаза, которые сжигали его с особой силой. Гермиона теперь принадлежала ему, и он не испытывал никаких сомнений в том, чтобы получить от нее все, что хотел.

Подчинение было невероятным. Гермиона была в бреду, небрежно захлебываясь рвотными массами, впивающимися в ее рот, ее тело раскачивалось в неконтролируемом порыве желания, которое с каждой секундой становилось все больше и больше. Она принимала это, испытывая странное удовольствие от того, что отдается его желаниям, служит его похоти и самым безрассудным потребностям, не в силах контролировать свое безумное падение вниз, не в силах отказаться от всего Гарри и его ожиданий от нее, какими бы развратными и порочными они ни были. Жажда большего пересилила в ней все остальное, и она осталась в глубоком, обожающем служении члену Гарри и своим самым диким аппетитам.

Гарри выполнил свое обещание: его руки вцепились в ее волосы, и он прижал ее к основанию своего члена. Последняя, первобытная демонстрация доминирования заставила его погрузиться в экстаз и влить свой заряд прямо в горло Гермионы, заставляя ее дрожать и постанывать от разочарования и удовольствия ситуации, полностью лишенной смысла и контроля. Каждый толчок его члена вызывал грязную, липкую струйку семени, которая брызгала ей в горло, вызывая в ней извращенное чувство принятия и похоти, которое углубляло ее понимание всего, что он делал с ней, и тех способов, которыми, как она

чувствовала, она просто должна была сгореть.

Гермиона послушно принимала каждую каплю в глотку, а затем отстранилась и дала ему то, что он хотел услышать. "Спасибо", - простонала она, прикусив губу и позволяя урчащей внутри нее потребности взять верх. "Мне было приятно обслуживать твой член. Надеюсь, я хорошо справилась".

"Ты отлично справилась", - сказал Гарри, взяв в руки свой ствол и проведя им по ее губам, что вызвало стоны и дразнящие облизывания со стороны Гермионы. "Так хорошо, что я думаю, что с этого момента ты будешь брать это на себя. Всякий раз, когда я буду твердым, ты будешь заботиться об этом".

"Ты твердый прямо сейчас", - сказала Гермиона, ее дыхание оставалось тяжелым и диким.

"Да", - сказал Гарри. "Так чего же ты ждешь? Садись на него, чтобы я мог посмотреть, как подпрыгивают эти большие сиськи".

Лежа в напряженной, неподвижной пустоте послесвечения, Гарри и Гермиона были измучены, лежали в отчаянном, растраченном блаженстве после нескольких часов сырого траха, просто держась друг за друга и думая о том, что перед ними стоит.

"Должен ли я был сказать, что люблю тебя, прежде чем прижать тебя к себе и начать двигаться?" спросил Гарри, нарушая тишину мягким вопросом, пока его пальцы перебирали ее волосы. Ну, вроде как мягкий; после того, что он сказал и сделал с ней, это было очень грубо по сравнению с тем, что он сделал.

"Мм, с того момента, как ты меня поцеловал, я решила, что ты меня любишь, но если ты считаешь, что тебе нужно это сказать, я не буду жаловаться". Гермиона прижалась к шее Гарри, положив руку на его сильную грудь, прижимаясь к нему.

"Я люблю тебя, Гермиона Грейнджер", - сказал он. "И то, что ты сегодня здесь со мной, заставило меня полюбить тебя еще сильнее".

Это было то, что она давно ждала, чтобы сказать. Он сделал это в своем собственном темпе, и это было все, что ей было нужно. "Я тоже люблю тебя, Гарри Поттер".

"Гораздо легче смотреть в лицо тому, что я хочу сделать, когда ты рядом со мной", - сказал он, прижимая ее к себе. "Я еще не знаю как, но с твоим умом я не вижу способа, которым мы не сможем победить. Ты - лучший союзник, о котором только можно мечтать". Его рука крепче притянула ее к себе, и он позволил своим словам выразить свои желания и вожеления настолько прямо, насколько это вообще возможно. Гарри увидел возможность, открывшуюся перед ним, более сильной и мощной, чем все, что он мог себе представить. "Если у тебя есть идеи, с чего начать, я весь внимание".

<http://erolate.com/book/3154/74550>